

Елена Поцелуева

Одуванчик

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
П64

Поцелуева Е.

Одуванчик / Поцелуева Е. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 40 с.

ISBN 978-5-532-93949-3

Фантастическо-шпионский роман-триллер в жанре социальной фантастики. События, происходящие в фантастическом романе-триллере «Одуванчик», описывают далекое будущее, которое уже не кажется столь далеким: планета, пожираемая смертоносными вирусами, глобальная чипизация, засекреченные планы правительства. Ничего не напоминает? В далеком 2014 году я закончила писать "Одуванчик". Тогда я и представить не могла, что все это сбудется и и продолжает сбываться. И что будет дальше я точно знаю, я это написала. Такое ощущение, что "проклятые масоны" прочитали "Одуванчик" раньше и осуществили все, что там написано.

ISBN 978-5-532-93949-3

© Поцелуева Е., текст, 2014
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Утренний дождь прошел над Фломандией. Ясное небо затянули бурые облака с сизыми переливами, прожилки солнечного света едва могли просочиться на Землю. Серые крыши домов, растущих из-под земли, угрюмо нависли над бегущими под дождем прохожими. Узкие извилистые улочки, как ручейки многоводной реки, разветвлялись от главной улицы, теряясь в растущем мраке хлынувшего дождя, поглотившего город. Дождь отделил холодной стеной Фломандию от мира, раскрасил цветущий пейзаж во все оттенки серого, наполнил ее воздух запахом замшелой травы и одиночества. Тьма окутала город, тьма, несущая нечто злое и необратимое.

Джек Бертон бесцельно бродил по мокрым мостовым, раздумывая о произошедших событиях и пытаясь найти ответы на мучившие его вопросы. Вдыхая сырой воздух улиц, он не заметил, как ноги привели его туда, где он проработал последние несколько лет. Джек остановился, рассматривая зияющую дыру, обнажавшую пласты земли, уходящие воронкой глубоко внутрь – все, что осталось от здания лаборатории. Лабораторию выкорчевали, как будто боялись забыть забрать что-то, поэтому и вырвали все, даже стены и потолок. Джек сжал кулаки. Яростно наступая в начищенных ботинках на вальяжно распростертые по тротуару лужи, он быстро зашагал прочь. Джек не мог понять, почему его, лучшего разработчика Мировой Правительственной Фармогенетической ЛАБОРАТОРИИ (МПФЛ) вышвырнули на улицу без объяснений, именно в тот момент, когда он стоял на пороге открытия, которое спасло бы миллионы жизней. Правительство знало, над чем он работает, поощряло и финансировало все, что было связано с его исследованиями, но в один миг МПФЛ закрыли, как будто это совершенно ничего не значило. Ни-че-го. Джек был подавлен, дело его жизни пошло прахом. Несколько лет назад люди начали гибнуть прямо на улицах от того, что их организм не способен противостоять простой инфекции, он не в состоянии защитить своего хозяина, его клетки хрупки, а их структура искорежена настолько, что малейшего прикосновения внешнего мира было достаточно для летального исхода.

У взрослого поколения здоровые клетки меняли свою структуру, а у младенцев их уже не было. Мутация происходила быстро и

необратимо, население Земли сократилось на четверть. Тогда-то и была создана МПФ ЛАБОРАТОРИЯ, которую возглавил Джек Бертон. Джек и его команда занимались разработкой лекарств, способных замедлить мутационные изменения, но все было тщетно. Мутировавшие клетки жили недолго, а с ними и весь организм в целом. Достаточно инфекции проникнуть внутрь, и человек погибал в течение нескольких месяцев. Были разработаны иммуноподдерживающие препараты, которые выдавались в аптечных пунктах, с ними человек умирал чуть позднее, но умирал. И вот, когда Джек осуществил свое начинание, и ему оставалось провести испытание препарата, лабораторию закрыли, перевезли здание МПФЛ со всеми препаратами и разработками, всем базовым материалом, не дав никаких объяснений, оставив на месте здания пропасть. Это даже закрытием нельзя назвать. Все исследования вырвали вместе со зданием, не учтя одного: они остались в голове у Джека. Джек так и не узнал, несет его новая вакцина жизнь, или так же бесполезна, как и сотни других, созданных им. Он должен был, во что бы то ни стало проверить вакцину. Его сын умирал, ни о чем другом он не мог сейчас думать. От этой вакцины зависело будущее Человечества и будущее его сына. Пятимесячный сын Джека Бертон не был исключением, его клетки мутировали. Джек просиживал в лаборатории дни и ночи, конвульсионно перебирая записи и буквально прощупывая структуру каждой молекулы, созданной им искусственно. Он пытался понять, где ошибка, почему, как только искусственно выведенные им молекулы оказывались внутри больной клетки, такой восприимчивой к внешним воздействиям, они погибали, разрушая и ее. Но новая вакцина Джека была поистине чудотворной: больные клетки не только начинали менять свою ДНК, вытесняя вирус, но и становились невосприимчивыми ко всякого рода воздействиям, способным изменить их структуру. Это было чудо! Сидя с микроскопом у себя в кабинете, Джек то и дело повторял эксперимент, виденный и описанный им многократно, надеясь увидеть упущенное звено и разгадать секрет жизни. Видел он одно и тоже: чужеродная клетка постепенно встраивалась в структуру зараженной вирусом ДНК, становилась как другие, копируя их структуру, а потом, вобрав в себя

все соединения больных клеток, менялась сама и начинала излучать волнообразные импульсы. Эти пульсации раз за разом, разлетаясь по волокнам ДНК, структурировали новые связи, меня сами клетки, наполняя их новой жизнью. Чем большее количество нововыделенных клеток взаимодействовало с больной цепочкой нуклеотидов, тем быстрее происходило преобразование. Процесс – истинное волшебство. Одна здоровая клетка заражала здоровьем миллионы больных, вырабатывая иммунитет у всего организма. Джек ликовал, как дитя, наблюдая за клеткой – победителем смерти. Он не мог налюбоваться на совершенную цепочку ДНК, получившуюся в результате работы одной малюсенькой клетки-совершенства. Джек натравливал на новую цепочку ДНК все существовавшие вирусы, и вирусы гибли от одного соприкосновения с созданным им чудом. Вирус не мог проникнуть в структуру, чтобы убить ее, он погибал: здоровые клетки вербовали его и он пополнял их ряды, как новая форма жизни. При повторном контакте с этим же вирусом, ему не давалась возможность присоединиться. Клетка впитала разрушительный вируса, преобразовав его в необходимые ей элементы. Новая ДНК выработала иммунитет к нему. Вирус погибал, становясь ей не нужным, все, что хотела она уже взяла от него. Видя превосходство созданной им жизни, Джек чувствовал воодушевление, забывая о единственном недостатке, созданной им вакцины, который вскоре проявлялся, вызывая у своего создателя «судороги мозга». Цепочка ДНК, отчетливо наблюдаемая Джеком в микроскоп, начинала рассыпаться, как от дуновения ветра, превращаясь в прах. Джек рвал на себе волосы, он не мог удержать это совершенство, единственным недостатком которого была недолговечность. Все исследования производились в лабораторных условиях. Необходимо было осуществить эксперимент за ее пределами непосредственно на живом организме, а не на отдельно взятой клетке, чтобы проследить, как будет действовать вакцина в комплексном взаимодействии с окружающим миром.

Очнувшись от воспоминаний, Джек вспомнил, что должен был увидеться со своим наставником, профессором Шпиком, который настоятельно просил Джека зайти к нему вчера. Критическое состо-

яние Пита заставило остаться дома. Джек стремглав помчался по брусчатым мостовым к дому профессора. Из-за поворота вывернула полицейская машина и, бликуя зеркальным корпусом, ринулась вперед. Джек встретился с ней снова у подъезда многоэтажного дома Шпика. Неосознанное чувство тревоги не давало ему пошевелиться, Джек застыл на месте – тело Шпика пронесли мимо него на носилках. Джек остоленел, все плыло, как в тумане. На ум пришли лишь последние слова профессора, сказанные им по телефону: «До следующего дождя, Джек, до следующего дождя». Чтобы это могло значить? Джек посмотрел на часы: он простоял на тротуаре возле дома Шпика битый час. Откинув со лба копну русых волос, Джек поплелся обратно, прокручивая, как киноленту, воспоминания. Профессор всегда был чудным человеком. Джек вспоминал все в мельчайших подробностях. Профессор Мартин Эдвин Шпик, старичок лет семидесяти двух, седой с взъерошенной бородой и круглыми очками, пухлый, любивший шик в одежде, – частый гость в доме Джека и всегда желанный. Не было случая, чтобы он пришел без гостинцев для жены Джека, Магды, тогда еще беременной и невероятно хорошенькой. Старик чрезвычайно проницателен, предусмотрителен и пунктуален – чистокровный немец, в Фломандию приехал молодым и не любил распространяться об этом. Жизнь он посвятил исследованиям в области фармогенетики, практикуя лабораторные исследования и в стенах престижного Фломандского колледжа, где преподавал. Там Джек и познакомился с ним. У них завязалась дружба. Профессор выделял Джека среди остальных студентов за способность широко мыслить, замечать мелочи, ускользавшие от взора других и за фанатичную верность генетике. Просиживая на массивной деревянной скамейке под каштанами колледжа до глубокой ночи, они самозабвенно спорили о современной вирусологии и способах взаимодействия инфекций с вакцинами на разных стадиях заболевания. Длинным прутиком Профессор чертил на песке формулы, открывая Джеку завесу неизведанного. Ветер окутывал их тягучим запахом душистых каштанов и летнего зноя, развеивая сомнения юноши относительно шокирующих гипотез профессора. Джек с упоением вспоминал рождение истины, когда Шпик, прищу-

рив правый глаз, с легкостью вворачивал в разговор аргумент, подкрепленный собственными экспериментами, обезоруживая Джека:

– Ну, что, мой мальчик, – хихикал Шпик, – как тебе, такой поворот? Съел? – Шпик причмокивал языком от удовольствия, давая Джеку время захлебнуться от восторга. – Не ожидал прорыва блокады от простой прививки ампициллина, – ликовал профессор. – Тот же! Нельзя недооценивать простейшие вакцины, они изначально совершенны. Беря их за основу, достаточно внедрить в их структуру новый элемент, и вакцина заиграет новыми свойствами, которые нам с тобой еще долго придется изучать.

– Профессор, вы гений, – вопил Джек, прыгая на месте и радуясь очередной победе профессора, как своей собственной. Джек безоговорочно признавал превосходство профессора, по-другому и быть не могло. Он восхищался своим учителем и хотел достичь тех же высот и так же легко ошеломлять окружающих своими гениально-простыми открытиями. Джек принадлежал науке, он дышал ею, поглощая пласты информации, читал, изучал, ставил опыты, лишь изредка прерываясь на сон. Джек получал дикий кайф от собственных достижений, он знал намного больше своих сокурсников и не забывал блеснуть знаниями, отвечая на вопрос маститого лектора. По обыкновению, откинув прядь свисающих на лоб лняных волос, Джек поднимался и, возвышаясь над притихшей аудиторией, начинал, всегда одинаково загадочно:

– Как вам такой вариант? – он умело оперировал фактами из багажа съеденных им знаний. Аудитория замирала, слушая его, потом взрывалась овациями.

– Джек, кто бы мог подумать.

– Ответ лежал на поверхности.

– Как ты додумался? – вопрошали сокурсники, искренне не понимая почему он это знал, а они – нет. Лавры Джек никогда не присваивал себе, скоса поглядывая на Шпика, он понимал, кто натолкнул его на открытие. Профессор верил в гений Джека, он направлял его в нужное русло, позволяя юноше самому натолкнуться на истину.

Одинокая слеза скатилась по небритой щеке Джека и упав, разбилась о тротуар. Кому помешал старик? Профессор вел тихую, раз-

меренную жизнь, почти всегда сидел дома и никого не принимал, даже Джек никогда не бывал у него. Профессор не любил гостей, а Джек не напрашивался. И тут неожиданное приглашение. Тогда это не насторожило Джека. Семьи у профессора не было, и, познакомившись с Джеком и Магдой, Шпик полюбил их, как родных. Известие о беременности Магды привело профессора в настоящий восторг. Он просиживал у Джека и Магды вечерами, и, казалось, их дом наполнен не ароматом цветов, которые благоухали повсюду, а ароматом любви и счастья. После рождения Ангелики, Магда полностью посвятила себя заботам о ней, работала она теперь дома, в своем саду. Магда занималась генетикой при биологоисследовательской лаборатории, и ей ничего не стоило вывести новый сорт растений, скрестив флоксы с базиликом или жасмин с анемоной. Колыбель Ангелики перенесли туда же, и малышка с любопытством наблюдала оттуда за мамой. Джек вспомнил Магду, ее улыбающиеся медовые глаза, выющиеся пепельные волосы, ниспадающие на плечи, которые она убирала со лба ободком. Магда порхала по саду, как бабочка, от одного растения к другому, проверяя грунт, степень полива, влажность воздуха. Джек любил наблюдать за женой в эти моменты. Ангелика росла среди цветов, любви и радости. Она была необычным ребенком. Ангелика родилась на удивление крепкой и здоровой девочкой. Хрупкая и изящная, она походила на цветок и всем своим видом производила впечатление зачаровывающее. Фиалкового цвета глаза на белом, как лилия, личике, обрамленном пшеничного цвета волосами, излучали удивительное спокойствие и умиротворение. Стан походил на тоненькую былиночку, казалось, тронь ее и она сломается, рассыплется. Ее рождение пришлось на самую счастливую пору жизни Джека: его жена Магда была жива, а он работал в фармацевтической лаборатории под началом профессора Шпики, оставившего преподавательскую карьеру и всецело посвятившего себя науке и помощи Джеку. Дом Джека напоминал вечноцветущий сад: множество диковинных растений, радовавших глаз и благоухающих чудесными ароматами. Живя на окраине Фламандии, около пруда, недалеко от леса. Дом Бертонов не особо бросался в глаза – он сливался в окружавшем его пейзажем и заметить

его сразу было довольно трудно, Магда постаралась. Снаружи он весь был увит ярко-зеленым вечноцветущим плющом. Наткнуться на дверь, если точно не знаешь, где она находится, было проблематично.

Супруги часто дружески спорили. Магда говорила, что ее цветы благодарнее, они принимают все изменения, которые она над ними производит, становясь все необычнее и крепче, а все, над чем работает Джек, не имеет никакой пользы, поскольку гибнет в организме, разрушая его. «Может стоит поменять «организм» на более совершенный, с новым рядом клеток», – шутила Магда. Джек не придавал значения ее словам – он был просто счастлив. Шпик и Магда подолгу просиживали в саду за разговорами, у них были свои профессиональные секреты, в которые Джека не посвящали, да он не особенно и настаивал, относясь к работе жены снисходительно. У Джека появились новые заботы: Правительство Фломандии открыло новую лабораторию МФПЛ, целью которой было усовершенствование клеток человека и выработка у них способности к самовосстановлению. Джека назначили руководителем проекта, это обещало перспективы, о которых он и не мечтал. Он с головой окунулся в работу. Джек Бертон был поистине талантливым ученым. В свои 35 он много добился в области генной инженерии и мутационных изменений на микроуровне, им было написано множество работ, Европейские Институты мечтали заполучить его, как преподавателя, но Джек полностью посвятил себя научным исследованиям и ничего не хотел менять в своей и без того счастливой жизни.

Изменяя структуру ДНК и придавая ей все новые и новые свойства, он чувствовал себя Богом. Еще чуть-чуть и, модифицируя клетки, он сможет сделать так, что по заданной им программе они смогут менять структуру ДНК сами, превращая свой организм в нечто совершенно другое – СОВЕРШЕННОЕ. Осуществить этот прорыв он сможет сам, в одиночку. Работа Джека заключалась в исследовании различных групп ДНК, группировке и разбиении отдельных клеток с целью выявления новых свойств, которые можно было бы использовать с выгодой для Человечества. Джек был так погружен в работу, что не замечал событий, происходящих в

Мире. Правительством Фламандии была объявлена перепись населения. Никто ничего не заподозрил, и все шло своим чередом: людей переписывали переписчики, приходя домой, на предприятия, в детские сады и школы. Это длилось слишком долго, данные постоянно уточняли, уточняли и уточняли. Через год, когда все закончилось, города стали закрывать, невозможно было въехать или выехать куда-либо. Началась вакцинация населения от какого-то непонятного вируса. Делали ее всем, а отказываясь от вакцинации, сажали в тюрьмы за попытку распространить страшный вирус. После вакцинации, на месте прививки образовывалось что-то твердое. Паника охватила людей. «Прививка не помогла, заражение началось» – шептались по углам. Правительство успокоило: «Нет, с вами все в порядке, вы и ваши дети абсолютно здоровы. ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ ЧИПЫ. Это сделано для вашей же собственной безопасности, это позволит определить ваше местоположение, где бы вы не находились и при необходимости придти вам на помощь. При помощи СМИ в головы людей вдалбливали и вдалбливали эту мысль, постоянно зомбируя население этой информацией, пока она не вызвала привыкания, и люди не стали относиться к ней совершенно нормально. На огромных уличных экранах телевизоров транслировались яркие эпизоды жизни нечипированных и поэтому обреченных на смерть людей. То это молодая девушка, попавшая в руки маньяка, то потерявшейся и попавший под колеса мчащегося автомобиля малыш, то бабушка, забывшая адрес и пропавшая без вести. Лишь небольшая горстка людей осмелилась противостоять существующему режиму. Вырезав у себя чипы, они попали в опалу и по рекламе правительства при поимке должны были быть наказаны. Они постоянно перемещались и скрывались, оберегая свою свободу и волю. Человека, возглавившего народное ополчение, звали Зэдэк. Он был первый, кто усомнился в действиях властей, его настораживала сама идея безымянного вируса, а когда речь пошла о чипах, он воспротивился окончательно. Его бесила это безумие, а особенно его объяснение: "для Вашей же безопасности". Какой к черту безопасности! Безопасности самого правительства от всех, всех, всех. Попытки обезопаситься от людей, которые думают иначе, говорят,